

В.В. Пенской (Белгород)

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ МОСКОВСКОГО И ТАТАРСКОГО ВОЙСКА В КАМПАНИЮ 1521 ГОДА

«Крымский смерч» – так образно и вместе с тем метко охарактеризовал события лета 1521 г. отечественный историк А.А. Зимин¹. И действительно, как еще можно было назвать это нашествие, внезапно, подобно грому среди ясного неба, обрушившееся на русских людей и опустошившее самое сердце Русского государства. Это вторжение, на первый взгляд, неплохо отражено и в источниках², и в исторической литературе³, однако при внимательном взгляде нетрудно заметить, что целый ряд аспектов истории этого первого крупномасштабного столкновения русской и крымской ратей исследован явно недостаточно. К их числу можно отнести и такой, как планы русского и татарского командования, диспозиция и численность обеих ратей. Попытаемся в этой небольшой статье высказать ряд соображений по этому поводу.

Как известно, русско-крымский союз, заключенный между Менгли-Гиреем I и Иваном III, после распада в 1502 г. Большой Орды также распался, и с этого момента началось постепенное, все ускоряющееся охлаждение русско-крымских отношений. После же того, как умерли создатели этого союза, отношения эти и вовсе стали неприязненными. Противоречия между Москвой и Крымом, накапливавшиеся на протяжении целого ряда лет, к исходу 10-х гг. XVI в. подошли к критической отметке, и после того, как крымский хан Мухаммед-Гирей I пришел к выводу, что не стоит ожидать от Москвы односторонних уступок, он решил вынудить ее пойти на это силой.

Решение о войне с Василием III хан принял, скорее всего, в конце 1520 – начале 1521 гг., после совещания с представителями

крымской аристократии⁴. Очевидно, что в конце зимы – начале весны 1521 г., скорее всего в марте, была объявлена мобилизация⁵. Были предприняты и серьезные меры для сохранения военных приготовлений в секрете как можно дольше. Во всяком случае, 22 апреля 1521 г. в Москву была доставлена грамота из Азова от османских кади, коменданта-диздара и капудан-паши, в которой говорилось, что «из Крыма... вестей никаких нет, а не пошли нигде, а не пустит никакова человека (выделено нами. – Прим. авт.)...»⁶. В апреле 1521 г., когда в степи уже практически сошел снег и зазеленела первая трава, за Перекоп выступила половина татарского ополчения, выставляемого ширипскими князьями (до 10 тыс. всадников⁷).

Какими силами располагал Мухаммед-Гирей в начале кампании 1521 г. – сегодня определить точно невозможно, хотя некоторые косвенные данные могут дать представление о приблизительных размерах его войска. Источники сообщают следующие, явно завышенные цифры принимавших участие в походе татарских всадников. Так, 100 тыс. как численность войска Мухаммед-Гирея названа и в одном малоизвестном летописном памятнике XVI в. В Безднинском летописце конца XVI в. названа еще большая цифра – 130 тыс. чел. В.В. Каргалов оценивал силу крымского хана в рассматриваемый период в 40–50 тыс. всадников, а с «прибылыми» – до 100 тыс. Такая оценка также представляется нам чрезмерно завышенной, равно как и оценка, данная В.П. Загоровским – от 100 до 50–60 тыс.⁸

Почему эти цифры представляются нам неправдоподобными? Казалось бы, для сомнений в этом нет оснований хотя бы потому, что в августе 1521 г., когда татарское войско находилось под Москвой, всего лишь 580 астраханских татар совершили успешный набег на своих недругов, «поймав» «крымских улусов ... есырю и верблюдов и иного животу несть числа»⁹. Следовательно, Мухаммед-Гирей посадил на-конь всех боеспособных мужчин в возрасте от 15 лет и старше¹⁰.

Однако с другой стороны, известно, что в начале XVI в. войско Менгли-Гирея русские дипломаты в Крыму «сметали» в 25 тыс. всадников, а спустя 40 лет, по свидетельству литовца Венцеслава Миколаевича (больше известного как Михалон Литвин), оно насчитывало немногим менее 30 тыс. чел.¹¹ Принимая во внимание эти свидетельства, необходимо тем не менее помнить о том, что

весной 1521 г. какую-то часть татар увели под Адрианополь с собой Геммет-Гирей, сын убитого по приказу крымского хана царевича Ахмет-Гирея, и примкнувший к нему брат Мухаммед-Гирея Саадет-Гирей¹². В то же время татары понесли серьезные потери в походе на Русь в 1517 г. Годом позднее сын Мухаммед-Гирея Алп-Гирей ходил походом на валахов, а калга Бахадыр-Гирей – на адыгов. Оба этих похода также завершились неудачей и большими потерями для татар¹³. Поэтому численность собственно крымского войска, по нашим оценкам, составляла в лучшем случае не более 20–25 тыс. всадников. К этому необходимо добавить какое-то число погав и тех же адыгов¹⁴. Однако вряд ли и тех, и других было много – адыги приняли крымский протекторат, стремясь избежать регулярных татарских набегов, и, очевидно, огинодь не стремились содействовать укреплению власти хана. Погаи же должны были оставить часть своих воинов, и немалую, для охраны собственных кочевий от казахов и астраханцев¹⁵.

Не стоит преувеличивать и численность и, следовательно, значение литовского отряда под началом черкасского старосты Е. Дашкевича, который принял участие в этом походе, как это сделал в свое время И.И. Смирнов¹⁶. Папы-рада в начале 1521 г. советовали Сигизмунду отправить на «помощь» Мухаммед-Гирею отряд всего лишь в 200 всадников и пехотинцев с 2 гаковницами¹⁷. То., общая численность войска, находившегося в распоряжении Мухаммед-Гирея, вряд ли превышала 30–35 тыс. чел.

Готовились к войне и в Москве. Весной 1521 г. на «берег» стали выдвигаться конные полки, развергивание которых к началу лета в целом завершилось. Русские полки растянулись «тонкой красной линией» вдоль левого берега Оки следующим образом: одна группировка (всего 8 воевод, 9 голов) расположилась в районе Серпухова, другая (3 воеводы) встала на Кашире, третья (5 воевод, 6 голов) – в Тарусе. В Серпухове встал также двор удельного князя Андрея Ивановича под началом одного воеводы. Сильный гарнизон во главе с 2-мя воеводами был размещен в Коломне. Отдельная рать была развернута по Угре (очевидно, с таким расчетом, чтобы прикрыть юго-западное направление на тот случай, если татары нанесут удар вместе с литовскими войсками). Ею командовали 6 воевод и 3 головы. В конце июня (на Петров день) к ней присоединился двор удельного князя Юрия Ивановича во главе с 2-мя воеводами¹⁸.

Не вызывает сомнения, что, составляя диспозицию на летнюю кампанию 1521 г., в Москве исходили из опыта предыдущего вторжения 1517 г., когда большая татарская рать попыталась прорваться как раз на тульском направлении. Именно поэтому главные силы московского войска расположились здесь, прикрывая наиболее короткий путь к Москве.

В том, что именно здесь стояли главные силы, нет никакого сомнения – достаточно изучить послужные списки и родословные воевод, которым было поручено командование государевыми полками на этом направлении, не говоря уже о количестве воевод, командовавших войсками в этом районе. Так, общее командование серпуховскими полками было поручено, как свидетельствовал С. Герберштейн, воеводе князю Д.Ф. Бельскому¹⁹.

И в самом деле, кому, как не Дмитрию Бельскому, можно было поручить столь ответственный пост, памятуя о принципе назначения на высшие командные посты в московском войске, столь ярко охарактеризованном Дж. Флетчером. Молодой князь (в 1521 г. ему шел 22-й год), чей род происходил от 4-го сына Едимиана, самого великого князя литовского Ольгерда, по родовитости на то время безусловно превосходил всех прочих служивших московскому государю аристократов²⁰. И не беда, что князь был слишком неопытен в ратном деле – кампания 1521 г. на «берегу» должна была стать не только его первой в качестве главнокомандующего, но и вообще первой полевой кампанией²¹. Для того, чтобы компенсировать недостаток ратного опыта у молодого, но зато знатного князя, вторым воеводой, его заместителем, был назначен опытный военачальник, ветеран литовских войн, представитель старшей ветви Суздальских князей боярин В.В. Шуйский-Немой²².

Далее, если исходить из сформулированного выше принципа, то под Серпуховым, возможно, расположились большой полк и полк левой руки, тогда как в Кашире – передовой полк, а в Тарусе – полк правой руки и сторожевой полк. Относительно численности главной группировки русских войск на центральном направлении сказать что-либо определенное крайне сложно, поскольку ни летописи, ни разрядные книги не содержат абсолютно никаких сведений по этому вопросу. Можно лишь предположить, опираясь на косвенные данные, что здесь могло быть до 6 тыс. детей боярских, а с их людьми и с пищальниками (по аналогии с 1512 г.²³) – до 15 или несколько более тыс. ратных людей (без учета кошевых)²⁴. Если же

учесть силы, развернутые на Угре, гарнизон Коломны и дворы удельных князей²⁵, то общую силу выставленной на центральном и юго-западном направлениях армии можно оценить приблизительно в 9 тыс. детей боярских, а вместе с послужильцами и пищальниками – до 20–25 тыс. чел. (без учета кошевых)²⁶.

Пытаясь определить верхний предел ее численности, мы исходили из следующих предпосылок. В росписи войск, посланных против Литвы в 1508 г., сказано, что при реформировании полков воевода В.В. Шуйский должен оставить у себя 500 «голов детей боярских», а прочих передать другим воеводам. Эти 500 детей боярских должны были составить костяк передового полка. К ним должно было присоединиться неназванное в разряде число детей боярских под началом оружничего А.М. Салтыкова. В итоге образовавшимся отрядом должны были командовать 4 воеводы. Вряд ли Салтыков, несмотря на то, что он был человек родовитый (он происходил из старинного московского боярского рода Морозовых), командовал отрядом большим, чем тот, над которым начальствовал сам В.В. Шуйский. Следовательно, можно предположить, что под началом Шуйского и 3-х его товарищей оказалось порядка 700–800 детей боярских, т.е. примерно по 1,5–2 сотни чел. на воеводу.

Другой не менее примечательный факт – плененный литовцами сын боярский Василий Хрущев показал на допросе в мае 1535 г., что он сражался под началом воевод князей И.И. Барбашина и Д.Ф. Палецкого, и всего было их 1,5 тыс. бойцов. Его же отряд насчитывал 300 чел., из них 90 детей боярских. Следовательно, можно предположить, что в этом случае под началом воеводы было порядка 250–300 детей боярских. Надо полагать также, что головы неизбежно должны были командовать меньшим количеством детей боярских, чем воеводы. Исходя из этого, можно предположить, что под началом воеводы могло быть до от 150 до 250 детей боярских (в зависимости от статуса воеводы), а головы командовали примерно сотней или менее того детей боярских (по аналогии с казанским походом декабря 1553, когда 17 голов командовали примерно 1–1,5 тыс. детей боярских). В итоге получается, что под командой 8-ми воевод и 9-ти голов серпуховской группы могло быть до 3 тыс. детей боярских, каширской – до 1 тыс., а тарусской – до 2 тыс. На Угре в таком случае могло быть до 2 тыс. детей боярских.

Отдельную группировку составили войска, размещенные на территории Рязанского княжества. Здесь под началом московского наместника, околичного И.В. Хабары, опытного военачальника²⁷, находились 6 воевод, не считая 4-х рязанских воевод (до 1,5–2 тыс. детей боярских, с послужильцами 4–5 тыс. чел.)²⁸.

Довольно крупные силы были собраны и на юго-восточном направлении, где могли атаковать казанцы – после свержения Шах-Али и прихода к власти Сахиб-Гирея и с этой стороны можно было ожидать удара.

Значительные силы (5 воевод во главе с князем П.Д. Ростовским и татарский «царевич», брат бывшего казанского «царя» Шах-Али Джан-Али, «а с ним сеит и князи и мурзы», максимум 3–4 тыс. чел.) развернулись на Мещере; на реке Мокша – еще 2 воеводы и 2 головы (до 2 тыс. чел.); в Муроме – 2 воеводы во главе с князем Ю.Д. Пронским и татарский «царевич» Ак-Доулет (не более 1,5 тыс. ратников). Оборона Нижнего Новгорода была поручена князю А.Д. Курбскому, под началом которого находились 6 воевод (до 3 тыс. чел.)²⁹.

Всего же силы, выставленные Василием III против Мухаммед-Гирея и Сахиб-Гирея, на наш взгляд, можно оценить максимум в 35–40 тыс. чел. (без учета горожан, которые в обязательном порядке привлекались для обороны городов в случае осады, и кошевых). Однако при этом необходимо помнить о том, что все эти силы были разбросаны на огромном пространстве от территорий западнее Калуги до Нижнего Новгорода. Учитывая же состояние тогдашних дорог и связи, центральная группа (до 20–25 тыс. чел.), рязанская (примерно 4–5 тыс.) и восточная, нижегородско-муромская (около 10,5 тыс.) должны были действовать самостоятельно, рассчитывая только на собственные силы.

Характеризуя подготовку правительства Василия III к отражению возможного татарского набега, необходимо отметить, что решать эту проблему приходилось в чрезвычайно сложных условиях. Мало того, что отношения с Мухаммед-Гиреем были испорчены и стоило ожидать удара с его стороны, но, как уже неоднократно было отмечено выше, нужно было учитывать еще и возможность одновременного удара со стороны Казани и, вдобавок ко всему, переговоры о заключении мира с Великим княжеством Литовским также не привели к успеху³⁰. Следовательно, и **третий** (выделено нами. – *Прим. авт.*), западный фронт, оставался открытым и

нужно было прикрыть и это направление. В этой связи были усилены гарнизоны Можайска, Вязьмы, Дорогобужа (здесь были собраны, судя по всему, достаточно крупные силы под началом 4-х воевод³¹), Белой, а также на Северщине (Стародуб и Новгород-Северский³²). Здесь было собрано, по нашим расчетам, около 5–6 тыс. чел.

В боевую готовность были приведены силы и на северо-западе. «Сила псковская и повгородская» была расположена в Торонце (6 воевод) и Вороноче (7 воевод и голов). Ее размеры можно представить более точно, чем численность всех остальных группировок русских войск в эту кампанию. По расчетам К.В. Базилевича, в повгородских землях при Иване III было помещено около 1300 детей боярских, С.Б. Веселовский полагал, что здесь в несколько приемов к сер. XVI в. получили земли до 2000 детей боярских. «Псковская сила» согласно росписям Полоцкого похода 1563 г., насчитывала 300 детей боярских, и эту же цифру назвал во время допроса литовцами в 1534 г. беглый псковский дьяк Родивон. Средний размер поместий в Бежецкой, Деревской и Водской пятинах во 2-й четв. XVI в. составлял примерно 20 беж, т.е. владелец такого поместья мог выступать в поход сам-друг. Наконец, Псков мог выставить до 1 тыс. пицальников, причем это число было для города, судя по всему, пределом, а Новгород в 1545 г. должен был «наредить» для похода на Казань 2 тыс. пицальников, поровну пеших и конных, и еще почти 2 тыс. конных «даточных». То., получается, что здесь могло быть собрано в преддверии возможного вторжения литовцев до 2 тыс. детей боярских, что вместе с их послужильцами, служилыми татарами и «срубленными» с Новгорода и Пскова пицальниками и «даточными» могло составить около 8 тыс. ратных людей³³.

Всего, по нашим оценкам, в кампанию 1521 г. на трех фронтах Василий III выставил до 55 тыс. ратных людей без учета кошевых, посохи и горожан, которые должны были в случае осад вставать на защиту стен своих родных городов. Не менее половины этих сил должны были быть задействованы непосредственно против Мухаммед-Гирея. Следовательно, крымский хан имел определенное численное превосходство над русскими, однако не настолько большое, как полагал В.В. Каргалов³⁴, чтобы поражение воевод Василия III было предопределено.

Тем временем, пока обе стороны готовились к началу военных действий и развешивали свои силы на исходных рубежах,

в Москву начали поступать первые сведения о намерениях крымского хана. 10 мая из Азова к Василию III пришла грамота от азовского кади и коменданта-диздера, в которой русский государь извещался о том, что «...крымской царь Магмет Гирей готов со всею силою итти на тебя к Москве, и тебе бы то, государь, было ведомо...»³⁵. В этом же письме содержалось известие о том, что хан с войском («со всею силою») уже покинул Крым и стоит на «Молочных водах» (на р. Молочной в Северной Таврии), опасаясь, что бежавшие во Фракию под покровительство Сулеймана Геммет-Гирей и Саадет-Гирей совершат набег на Крым³⁶.

Обращает на себя внимание, во-первых, тот факт, что хан с основными силами своего войска расположился не к западу от Перекопа, что было бы логично, если бы Мухаммед-Гирей действительно опасался удара со стороны мятежных наревичей, а к востоку от перешейка. Во-вторых, поскольку письмо из Азова достигло Москвы в начале мая, то, получается, крымский «царь» со всей своей «силой» выступил за Перекоп не позднее начала апреля. Следовательно, если письмо Мухаммед-Гирея турецкому султану Сулейману I, в котором он объяснял причины, по которым не сможет принять участие в предпринимаемом походе на Белград, датируется апрелем 1521 г., то хан хитрил, говоря о том, что лишь часть татарского войска выступила в поход. Получается, что не только половина ополчения Ширинов уже стояла за Перекопом, но, очевидно, и ханский кош, и его двор, и большая часть остального татарского войска, дожидаясь завершения мобилизации.

Тогда же, 10 мая, в Москву была прислана грамота и от московского агента в Азове З. Зудова³⁷, который также сообщал, что Мухаммед-Гирей собирается «со всею своею силою» идти на Москву и что «царь (т.е. хан. – Прим. авт.) со всею силою готов стоит...»³⁸. То., уже в мае 1521 г., задолго до начала «смерча», в Москве уже располагали сведениями о планах Мухаммед-Гирея и о его готовности выступить войной против Василия III. Стратегическая внезапность ханом так или иначе была утрачена в самом начале кампании, и это давало русским воеводам дополнительные шансы успешно отразить готовящееся нашествие.

Спустя полтора месяца в Москву прибыло новое известие о готовящемся вторжении. Приехавшие в столицу Русского государства 24 июня из Кафы «великого князя казаки» И. Лазарев «со товарищи» доставили Василию III грамоту от кафинского наместника

Мухаммед-паши, в которой тот сообщал московскому государю, что «...крымской царь на конь всел, на тебя на самого хотел итти и многую свою рать собирал». Прослышав о его военных приготовлениях, Сулейман I, не заинтересованный в обострении отношений с Москвой, прислал к хану своего чауша с требованием отказаться от похода на Русь. Еще одна грамота прибыла от азовского дидзара, который также писал, что султан потребовал от Мухаммед-Гирея не ходить на Москву, угрожая в противном случае покарать непослушного вассала. Хан же, по словам дидзара, в ответ «...осердился, а рать его собрана, а злобен добре, и государство бы твое берет свою землю»³⁹. Очевидно, что именно это известие и послужило основанием для высылки на «берег» на усиление расположенных здесь полков двора удельного князя Юрия Ивановича, брата Василия III, который прибыл на Угру на Петров день (т.е. 29 июня)⁴⁰.

Шло время, однако о хане и его войске известий не было. Возможно, хан не торопился с выступлением в поход, ожидая реакции Сулеймана на свое непослушание и готовясь в случае необходимости отразить попытку Геммет-Гирея и Саадет-Гирея атаковать Крым в его отсутствие⁴¹. Во всяком случае, было бы логичным со стороны Мухаммед-Гирея убедиться в том, что с этой стороны ему ничто не угрожает, прежде чем перейти к активным действиям. Не исключено, что хан наблюдал и за развитием событий в Астрахани, ожидая, чем закончится смута в этом городе. Во всяком случае, он простоял на Молочных водах с апреля до середины июля (т.е. по меньшей мере 3 месяца) и лишь тогда, когда ни с запада, ни с востока нападения на Крым как будто не ожидалось, решился начать давно замышлявшийся и готовившийся поход на север⁴².

Какой дорогой двинулся хан на Москву? В летописях и дипломатической переписке об этом ничего не говорится. В.П. Загоровский предположил, что «...татары прошли днепровско-донским водоразделом, по становившейся для них обычной Муравской дороге, между верховьями Ворсклы и Северского Донца к Быстрой Сосне...»⁴³. Однако такое предположение не кажется убедительным по нескольким причинам. Прежде всего, маршруты, по которым татары будут ходить на Русь, в эти годы еще только-только отработывались, и знаменитые «пляхи» — Муравский, Изюмский и Кальмиусский — еще не были ими хорошо изучены. Фактически каждый новый поход, тем более крупный, представлял собой шаг в

неизвестное. Далее, предыдущий большой поход татар на Москву в 1517 г., который, судя по всему, как раз и проходил по намечавшемуся Муравскому пляху, закончился для них неудачей. Было бы логично предположить со стороны Мухаммед-Гирея попытать счастья в ином месте, тем более что вряд ли он был в псевдении относительно того, где его ожидают русские войска (о том, что свой поход татары предваряют разведкой, мы уже писали выше). Известно было Мухаммед-Гирею и о том, что в Туле было завершено строительство мощной крепости, которая могла стать серьезным препятствием на пути крымской рати.

И еще одно обстоятельство заставляет нас усомниться в том, что крымский «царь» выбрал именно Муравский плях — паличие у него «вожей», которые знали броды на Оке⁴⁴. Кто были эти проводники? По мнению В.П. Загоровского, ими были татары, которые до того бывали в составе посольств в Москве или служили гонцами, курсировавшими между ханской ставкой и Москвой⁴⁵. Однако, по нашему мнению, такое предположение маловероятно хотя бы по той причине, что хан переправился через Оку не севернее Тулы, а северо-восточнее, далеко в стороне от обычного маршрута, по которому крымские посольства приходили в Москву⁴⁶. Следовательно, проводниками собственно крымские татары скорее всего не были. По нашему мнению, ими могли быть либо люди из отряда Дашкевича⁴⁷, либо, что вероятнее всего, кто-то из людей рязанского великого князя Ивана Ивановича.

Если это предположение верно, тогда и маршрут татар должен был быть другим. Начав движение с Молочных вод, хан и его войско двинулись по будущему Кальмиусскому пляху и вышли к Северскому Донцу в районе нынешнего Лисичанска Харьковской области. Здесь, в двух верстах от места впадения в Донец реки Боровой, находился «перевоз», по которому татары и переправились через Донец⁴⁸. Если информация о том, что хан выступил в поход не позднее середины июля верна, то переправа татар через Донец имела место примерно 16 июля. Далее путь Мухаммед-Гирея и его воинов пролегал на север к верховьям р. Айдар, а оттуда — к р. Тихой Сосне. 19 июля они «перелезли» через Тихую Сосну по Каменному броду (что в районе нынешнего Острогожска). Отсюда татарское войско двинулось к верховьям Потудани и, достигнув их 20 июля, повернуло не на северо-запад, на Муравский плях, а на северо-восток, к Дону⁴⁹.

Переправившись через Дон 21–22 июля на участке между его притоками Девицей и Воронежем⁵⁰, татары столь же скорым маршем вдоль правого берега Дона устремились на север, в пределы Рязанского княжества⁵¹. В окрестностях Рязани (Переяславля-Рязанского) татары оказались в пятницу 26 июля⁵². Начальствовавший над рязанским гарнизоном воевода князь И.В. Хабар, видя превосходство сил противника, сел в осаду и подозревая рязанцев в «шатости»⁵³, поторопился собрать их «начальных» людей у архиепископа Сергия и привести их к крестному целованию на верность Василию III⁵⁴. Однако хан не стал останавливаться под Рязанью и поспешил к Оке, к Коломне. На «берег» Мухаммед-Гирей и его воины вышли к вечеру 27 июля и затем ночью начали переправу через реку⁵⁵. К утру следующего дня вся татарская армия уже стояла в боевой готовности на западном, московском берегу Оки. Двигаться дальше к Москве, оставляя у себя в тылу противника, было опасно, и, прежде чем продолжить движение, Мухаммед-Гирейу нужно было обезопасить себя. Сражение стало неизбежным, и оно должно было приобрести характер генерального, решающего исход всей кампании.

¹ См.: Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 240.

² Милкоков П.Н. Древнейшая разрядная книга (далее – ДРК) официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 69–72; Разрядная книга (далее РК) 1475–1598 гг. М., 1966. С. 65–67; Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 176–182; Вологодская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 173; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 310–311; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 37–43; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 401–402; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. 1508–1521 гг. // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 694. 700–701, 705–706 и др.

³ Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 86–89; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 66; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 240–248; Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974. С. 56–68; Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // ИЗ. № 27. 1948. С. 18–66; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые

записки Московии ордена Лешипа Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71 и др.

⁴ В декабре 1520? Во всяком случае, В.Е. Сыроечковский отмечал, что «дума» хана, «сеитов, уланов и князей» могла быть приурочена к «справднику курману» (9 декабря). См.: Сыроечковский В.Е. Указ. соч. С. 40. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. С. 612.

⁵ О порядке крымской мобилизации содержится немало свидетельств русских дипломатов, имевших возможность наблюдать за военными приготовлениями крымских ханов. Так, зимой 1502 г. Иван Мамонов сообщал Ивану III, что Менгли-Гирей I, готовясь к походу «на Ахмаговых детей и на Литовского», «всем своим людям велел готовым бити, и срок тому учинал тому два месеца всем людем наряжатись, и кони кормить, а у пяти бы человек телега была, а по три кони у человека, и корму бы себе запасли много; а опричь иного корму, было бы у пяти человек по два вола...». Извещеие о мобилизации ханские глашатаи «кликали» на базарах. См.: Сыроечковский В.Е. Указ. соч. С. 42; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. I. С. 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России // СБРИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 354, 378.

⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. С. 675.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ См.: Летописные записки из сборника-конвольюта Погод. 1566 / Новикова О.Л. Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в. // Летописи и хроники. Новые исследования. М.: СПб., 2008. С. 212; Загоровский В.П. Указ. соч. С. 69 со ссылкой на допесение З. Зудова; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. С. 706; Каргалов В.В. Указ. соч. С. 12; Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 76.

⁹ Цит. по: Зайцев И.А. Астраханское ханство. М., 2004. С. 87.

¹⁰ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. I. С. 354.

¹¹ Михалон Литвин. О правах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 65.

¹² См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. С. 678.

¹³ См.: Там же. С. 607.

¹⁴ См.: Некрасов А.М. Указ. соч. С. 88; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. С. 635; ПСРЛ. Т. XIII. С. 37–38.

¹⁵ Добавим, что в Никоновской летописи есть интересная оговорка, проливающая свет на отношения Мухаммед-Гирей и ногаев – сообщая об их участии в походе на Москву, летописец писал, что хан «...ихже (т.е. ногаев. – Прим. авт.) тогда одоле...» (ПСРЛ. Т. XIII. С. 37). Выпужденные подчиниться крымскому хану, ногаи вряд ли испытывали по отношению к нему теплые чувства (что и показали спустя два года астраханские события), и, подобно адыгам, ногайские князья и мурзы не стали бы класть свои головы ради усиления власти хана.

¹⁶ По мнению И.И. Смирнова, именно участие отряда Дашкевича свидетельствует об активном участии Великого княжества Литовского и Сигизмунда I в событиях лета 1521 г. (Смирнов И.И. Указ. соч. С. 43).

¹⁷ Решением панов-рады Сигизмунду предлагалось отправить в поход с «царем, або с царевичем, в землю Московскую» «...сто драбов подлейших, а сто коней менших..., а к тому таковницы со две взял с собою...» (Документы Московского министерства юстиции. Т. I. М., 1897. С. 511). См. также: Любавский М.К. Указ. соч. С. 221. О немногочисленности отряда Дашкевича писал и Герберштейн (Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 419). Следовательно, отряд черкасского старосты всего лишь изображал «участие» Литвы в походе Мухаммед-Гирея на Москву точно так же, как это делал Василий III в 1520 г., демонстрировал свою «готовность» оказать помощь крымскому хану в его действиях против Астрахани.

¹⁸ РК 1475–1598. С. 65–66. См. также: ДРК. С. 69–70; РК 1475–1598. С. 65–67; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 176–178; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 160–161.

¹⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 415.

²⁰ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 126–127.

²¹ До этого Д.Ф. Бельский в 1519 г. ездил «сажати на царство» хана Шах-Али в Казань (ПСРЛ. Т. VIII. С. 267).

²² Впервые в разрядных книгах В.В. Шуйский появляется в 1500 г., а с 1501 г. намещивается в Великом Новгороде и ходит походами на Литву вторым воеводой большого, правой руки и передового, а затем первым воеводой большого полка. См.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 70–71; РК 1475–1598. С. 14, 16, 22, 33, 35, 38, 40, 42, 43, 48, 49, 52, 54, 57, 58, 61–64.

²³ См.: РК 1475–1598. С. 47.

²⁴ См., например: ДРК. С. 42; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 234, 236, 238; Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. М.; Варшава, 2002. С. 137; РК 1475–1605. Т. I. Ч. III. С. 464–465.

²⁵ В 1514 г. Василий III выступил на Смоленск, а вместе с ним в составе его двора было 220 бояр и детей боярских (См., например: ДРК. С. 56; РК 1475–1598. С. 54).

²⁶ В 1510 г. во составе войска, с которым Василий III прибыл во Псков, была 1 тыс. «казенных» пищальников (Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Ч. 2. М., 2000. С. 258).

²⁷ Осенью 1505 г. И.В. Хабар, будучи воеводой в Нижнем Новгороде, отразил нападение на город казанцев и погаев (История о Казанском царстве // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 24–25), а в 1508–1519 гг. воевал с литовцами, поднявшись по служебной лестнице от 2-го воеводы полка левой руки до 2-го воеводы передового полка (См., например: ДРК. С. 38, 42, 43, 56, 64, 67). См. также: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 220–221.

²⁸ Поскольку рязанское направление по отношению к серпуховскому было второстепенным, то и численность войск здесь неизбежно должна была быть меньше, равно как и под началом воевод должно было быть меньше людей, чем на центральном участке. Что же касается рязанских ратных людей, то стоит заметить, что, судя по материалам судебного дела, заведенного после побег рязанского князя, в Москве сомневались в благонадежности его людей. И было

отчего – как показало расследование, два из четырех рязанских воевод, Климентий Кобыяков и Федор Сунбулов, оказались замешаны в организации побеге Оболенского. Вып. 1. № 2. С. 9). И само повеление московского наместника в Рязань, который при появлении татар послепели привести рязанцев к крестному целованию с тем, чтобы им «города не здати, а битися всем за-один...» и «...со царем битися бесхитросно...», говорит о том, что у И.В. Хабары были определенные сомнения в их верности московскому князю (Там же. С. 6). Следовательно, точку зрения В.П. Загоровского, полагающего, что пег достаточных оснований полагать рязанского великого князя арестованным, можно считать ошибочной (Загоровский В.П. Указ. соч. С. 71).

²⁹ См.: ДРК. С. 70–71; РК 1475–1598. С. 66; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 178–179.

³⁰ См.: Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 202–205.

³¹ См. также: РИС. Вып. 5. С. 265, 275.

³² Там же. С. 275.

³³ АЛЭ. Т. I. СПб., 1836. С. 184; Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 36, 38, 119, 148, 190, 200; Базилевич К.В. Новгородские помещики из послужильцев в конце XV вв. // ИЗ. Т. 14. 1945. С. 62; Веселовский С.Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 290; Записная книга Полоцкого похода // Русский дипломатический. Вып. 10. М., 2004. С. 125, 133–134; Памятники истории Восточной Европы. Т. VI. С. 116; ПСРЛ. Т. V. Ч. 2. С. 259). 300 левских детей боярских участвовали в Полоцком походе 1562/1563 гг.

³⁴ Именно его историк полагал главной причиной поражения русских в кампанию 1521 г. См., например: Каргалов В.В. Указ. соч. С. 59.

³⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. С. 678.

³⁶ Там же.

³⁷ Так характеризовал его положение в Азове И.А. Зайцев, который также подчеркивал, что Зудов одновременно исполнял и всякого рода песткотливые поручения турецких властей (Зайцев И.А. Астраханское ханство... С. 84–85).

³⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. С. 679.

³⁹ Там же. С. 681, 682.

⁴⁰ См., например: РК 1475–1598. С. 66.

⁴¹ И.И. Смирнов, ссылаясь на наказ Т. Губину, полагал, что демарш турецкого султана имел успех, и Мухаммед-Гирей первоначально отказался от своего намерения и лишь во 2-й пол. июня переменил свое решение (Смирнов И.И. Указ. соч. С. 38. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. С. 694). Поэтому И.И. Смирнов полагал, что первоначально хан собирался выступить в поход на Москву весной 1521 г., но затем был вынужден из-за позиции Турции и угрозы со стороны мятежных «царевичей» отложить его. Однако нам представляется, что это не так – поход был один, однако, как уже было отмечено выше, хан, выступив из Крыма в апреле, в степи за Перекопом выжидал, как будут развиваться события дальше, и когда убедился в том, что реального противодействия со стороны Сулеймана I и Теммет-Гирея не будет, двинулся на Москву. В пользу этого предположения говорит и отправка на «берег» в конце июня дополнительных воинских континентов –

следовательно, в Москве не слишком верили в действительность султанских угроз.

⁴² О времени выступления хана в поход мы узнаем из письма московского посла Т. Губина, доставленного в Москву 8 октября 1521 г. В нем он сообщал, что прибывший в Азов из Кафы турок Мустафа помимо всего заявил: «...пошел царь крымской из Крыма з братьею и з детьми и со всеми людьми за месяц до осужина дня...» (Цитг. по: Зайцев И.А. Астраханское ханство... С. 87). «Основной день» приходится на 15 августа, следовательно, хан выступил на Москву никак не позднее 14–15 июля.

⁴³ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 69.

⁴⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 706.

⁴⁵ Загоровский В.П. Указ. соч. С. 243.

⁴⁶ Так, например, в 1502 г. маршрут посольства, отправляемого в Крым, и в состав которого входили также и татары, пролегал из Москвы через Серпухов на Калугу и далее через Ворытыск и Брынь на Брянск, Новгород-Северский и Рыльск (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. I. С. 441–443). Пунктом, в котором производился «размен» посланца, в начале XVI в. был Путивль (См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. I. С. 494, 496, 498; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 66, 69, 86, 139, 187 и далее; Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 200; Юзefович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Церемониал. СПб., 2007. С. 35). То, дорога, по которой татарские послы и гонцы ездили в Москву, пролегла далеко в стороне от Муравского шляха, и бродов через Оку севернее и северо-восточнее Тулы татары не знали.

⁴⁷ Об одном таком литовском «воже», который сопровождал Мухаммед-Гирея, тогда еще калги-наследника престола, в его несостоявшемся набеге на Рязань, Якубе Ивашенцеве, упоминается в дипломатической переписке Москвы и Вильно (См.: Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 91). Примечательно, что Ивашенцев «и иные королевы люди» вели татар как раз на Рязанскую землю (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. С. 521).

⁴⁸ См.: Книга Большому чертежу (далее КБЧ). М.; Л., 1950. С. 68.

⁴⁹ См. карту-схему 2 в исследовании А.И. Папкова (Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII века. Белгород, 2004. С. 343). См. также: Платонов С.Ф. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI веке // Журнал Министерства народного просвещения. Часть CCCXVI. 1898. Март. С. 88.

⁵⁰ О броде через Дон под Воронежем см.: КБЧ. С. 82.

⁵¹ Расчеты показывают, что для того, чтобы достичь Оки 28 июля (согласно данным русских летописей), хан и его войско, выступив в середине июля, должно было двигаться со среднесуточной скоростью примерно 80 км. Цифра, что и говорить, впечатляющая и выглядит неправдоподобной. Однако и в «Книге Большого чертежу», и у Г.-Л. Боплана есть указания на то, что татары, двигаясь налегке, способны в течение длительного времени поддерживать именно такую, и даже большую, скорость марша (См.: Боплан Г.-Л. Описание Украины.

М., 2004. С. 224; КБЧ. С. 67). В том, что татары шли налегке, у нас практически нет сомнений – во всяком случае, ни один источник не говорит о наличии в составе татарского войска артиллерии, да и сами татары отнюдь не стремились штурмовать русские города. Кроме того, время, отпущенное Мухаммед-Гирею для успешной реализации его замысла, было весьма ограничено. Слишком долго он собирался выступить в поход, и в Москве не могли не заметить его приготовления. Была еще одна причина, по которой хан должен был спешить. Речь идет о смерти астраханского хана Джанибека, которая случилась летом (в июле 1521 г. – по мнению И.А. Зайцева. См.: Зайцев И.А. Астраханское ханство... С. 87). На наш взгляд, это могло случиться в первых числах июля 1521 г., и как только гонец из Астрахани с этим известием достиг лагеря Мухаммед-Гирея на Молочных водах, хан немедленно выступил. Действительно, можно было ожидать, что продолжение смуты в Астрахани сделает невозможным активные действия астраханцев против Крыма и оставленный практически беззащитным полуостров будет в безопасности. Вряд ли стоило опасаться и Геммет-Гирея, поскольку как раз в июле османские войска осаждали Белград и султану было некогда заниматься крымской проблемой.

⁵² Летописец... С. 262; Типографская летопись. С. 221. Эту же дату называет и Безднинский летописец (Корецкий В.И. Указ. соч. С. 76).

⁵³ Выше мы уже говорили о переписке Мухаммед-Гирея с Иваном Ивановичем и об аресте рязанского великого князя. О «шагоги» рязанцев см., например: Иловайский Д.И. Рязанское княжество. С. 122.

⁵⁴ Рязьск о побеге из Москвы князя рязанского. 1521... С. 6.

⁵⁵ Летописец... С. 262; ЦСРЛ. Т. XXIV. С. 221; Тихомиров М.И. Из «Владимирского летописца»... С. 299. Ночная переправа еще раз говорит о том, что у хана были опытные проводники, и вряд ли ими были татары – для ночной переправы нужно было отлично знать тамошние места, жить здесь, а не бывать паздами от случая к случаю.